

Убедившись, что Лэй Лижэнь пришел в себя, старейшина Ся наконец покинул его.

Резкий шорох вырвал Го Нуаня из дремоты. Спohватившись, он трусцой припустил за уходящим целителем, чтобы проводить его до самого края Кладбища брошенных душ. На прощание пес негромко тyвкнул. Старейшина Ся мягко улыбнулся и ласково потрепал его по загривку:

— А ты верный малый.

«Комплимент так себе — хвалить собаку за верность», — подумал Го Нуань, но размышлять об этом долго не стал и поспешил назад к своему подопечному. Старейшина Ся слыл выдающимся лекарем: поговаривали, он учился у великих мастеров, годами постигая мудрость древних трактатов, так что за помощью к нему тянулись люди из самых дальних уездов.

Потребовалось шесть часов кропотливого лечения, прежде чем Лэй Лижэнь смог подняться на ноги. Впрочем, о резких движениях не шло и речи: малейшее усилие грозило сорвать хрупкое равновесие и усугубить травмы. Именно поэтому старейшина Ся так настойчиво велел юноше явиться в его лечебницу для полноценного приёма снадобий.

Желая угодить, Го Нуань осторожно подобрал с земли брошенную кость. Извальявшийся в грязи и пыли мосол выглядел настолько омерзительно, что едва ли годился в пищу хоть какому-то живому существу. Понимая это, пес виновато опустил морду.

Лэй Лижэнь сидел, медленно сгибая и разгибая онемевшие пальцы рук, заново привыкая к собственному телу. Заметив робкий, заискивающий взгляд пса и его понурюю голову — тот словно сам устыдился подношения, — юноша ощутил, как в груди шевельнулось странное, щемящее тепло. Это непривычное чувство злило его и раздражало.

На обглоданном мосле виднелись следы собачьих зубов. Лэй Лижэнь брезгливо отвернулся:

— Слишком грязно. Я не стану это есть.

Пес разочарованно заскулил, подхватил кость зубами и, утащив ее в угол, принялся тихо грызть.

Тот выглядел совершенно несчастным, однако Лэй Лижэнь и не думал его утешать. Дождавшись, пока лохматый спутник расправится с нехитрым обедом, он негромко окликнул:

— Эй, пес.

«Гав!» — отозвался Го Нуань. «Мог бы и имя мне дать, чудовище неблагодарное», — мысленно проворчал он, но все же подбежал к юноше и ласково лизнул его ладонь.

Позволив псу вылизать ладонь, Лэй Лижэнь тихо проговорил (он давно заметил, что животное понимает человеческую речь):

— Ну и зачем ты спас меня? Какой в этом прок? Теперь я обычный калека. Беспольный кусок мяса.

Го Нуань перестал лизать руку, уселся поудобнее и уставился на собеседника с максимально невинным и глупым видом, словно говоря: «Ой, тут такой ветер поднялся, я ничегошеньки не слышу!»

В черных, как бусины, собачьих глазах дрожало его собственное отражение. Юноша судорожно напрягся. Во влажном, преданном взгляде читались неподдельное сочувствие и искренность — чувства, которых он никогда не встречал у людей. Даже материнская любовь, некогда согревавшая его душу, навсегда исчезла из его жизни, когда ему исполнилось всего шесть лет.

Для всего мира Лэй Сян и Вэнь Ваньчжи казались образцовыми супругами, идеальной парой, живущей в абсолютном согласии. На деле же этот брак был чистым расчетом. Женившись на Вэнь Ваньчжи ради укрепления положения клана, Лэй Сян жаждал лишь одного — прибрать к рукам влияние и силу ее семьи. Разыграв безумную страсть, он обвел будущих родственников вокруг пальца, заполучил желанную невесту, а вместе с ней — и кресло главы семьи Лэй.

Этот союз открыл ему доступ к редчайшим семейным ресурсам и сокровищам.

Однако едва власть оказалась в его руках, бывшее притворство начало таять. Лэй Сян постепенно отдалялся от супруги, а стоило Вэнь Ваньчжи забеременеть, как маска окончательно спала, обнажив его уродливое нутро. Он завел на стороне любовницу. Помня о нерушимой клятве верности, данной роду Вэнь при женитьбе, новоиспеченный патриарх не смел открыто ввести наложницу в дом, но фактически у него появилась вторая семья.

Опасаясь гнева властного главы, старейшины малодушно молчали. Лишь сама Вэнь Ваньчжи до последнего отчаянно цеплялась за осколки выдуманного счастья, пытаясь защитить хрупкую иллюзию.

Равнодушный к жене, Лэй Сян еще мог выдавить из себя подобие нежности ради приличия, но собственного сына он ненавидел открыто. При виде маленького Лэй Лижэня на лице отца неизменно проступало презрительное отвращение.

Каким образом ему удалось убедить Вэнь Ваньчжи назвать сына столь грозным именем — Лижэнь, «Острое лезвие», — оставалось загадкой.

До шести лет на мальчика как на наследника возлагали огромные надежды, и тот сполна их оправдывал. Одаренный редким талантом, он поражал соплеменников своими успехами: к шести годам он не только освоил две сложные боевые техники, но и совершил прорыв, официально достигнув первого уровня закалки тела.

Окружающие осыпали ребенка восторгами и завистливыми вздохами, однако за этим внешним блеском скрывалась горькая правда — родной отец упорно не желал признавать его заслуг. А когда мальчику исполнилось шесть, случилось страшное: Вэнь Ваньчжи собственной рукой оборвала жизнь мужа-предателя. С тех пор жизнь Лэй Лижэня превратилась в сущий кошмар. Взгляды, полные зависти, сменились ледяным равнодушием и враждебностью — на него смотрели как на отребье, как на грязь под ногами.

Юноша прекрасно понимал, что произойдет, когда соплеменники узнают о его искалеченных меридианах. Они глумливо ухмыльнутся, а в глазах застынет лицемерная, удушающая жалость. Но он не желал чужой злобы и презирал сочувствие.

Святой целитель... Но разве ему суждено встретить кого-то подобного? На всю страну Сюанью едва ли набралось бы двое или трое мастеров такого уровня, а уж встретить одного из них в захудалом, Богом забытом городишке граничило с безумием.

Зачем тогда цепляться за жизнь? Лэй Лижэнь не раз слышал, что воины с разорванными меридианами обречены до конца дней оставаться немощными калеками, лишенными пути боевых искусств. И все же в глубине его истерзанного сердца теплилась крошечная, жалкая надежда. Он молил небо, чтобы великих знаний старейшины Ся хватило хотя бы на то, чтобы вернуть ему способность накапливать энергию. Пусть не в полную силу, пусть он никогда не станет прежним — если бы у него остался хоть один шанс из тысячи снова тренироваться, он бы вгрызался в эту возможность зубами, работая до кровавого пота.

Но когда судьба безжалостно душит любое упование, есть ли смысл сопротивляться? Жалкой надежде изначально не стоило рождаться на свет.

— Радуюешься? — Лэй Лижэнь зло и горько усмехнулся, глядя на пса. — Думаешь, совершил подвиг и я теперь до гробовой доски буду благодарен тебе за свое спасение?

«Гав-гав-гав!»

«Опять за старое принялся», — мысленно вздохнул Го Нуань. С другой стороны, чего еще ждать от будущего величайшего злодея, которому суждено утопить этот мир в крови? Не будь он таким невыносимым упрямым сейчас, откуда бы потом взялась та всепоглощающая ненависть? Понимая, что человеческого языка его собеседник не понимает, Го Нуань все же попытался выразить поддержку громким лаем:

«Гав! Гав-гав-гав! Ты встретишь еще своего Святого целителя! — отчаянно пытался донести он. — И заставишь каждого, кто смел над тобой измываться, дрожать от страха и преклонять колени! Никто больше не посмеет смотреть на тебя свысока!»

Вот только будущих методов Лэй Лижэня Го Нуань категорически не одобрял. Зачем, став всемогущим владыкой, цепляться за чужое мнение? Зачем стирать с лица земли целые города? Разве недостаточно просто утереть всем нос и жить в свое удовольствие, зная, что никто больше не рискнет причинить тебе вред?

Увы, душа этого мальчика была выжжена дотла. Предательство близких и жестокость чужаков лишили его способности верить людям. За три года — с шести до девяти лет — Лэй Лижэнь пережил слишком крутое пике: от гордости клана до презираемого оборванца. Мало какому ребенку под силу в одиночку вынести подобный груз, не сломавшись и не ожесточившись.

За годы лишений в нем скопилось слишком много яда. Он повзрослел слишком рано и слишком уродливо. И эта тьма, по законам книжного сюжета, должна была лишь разрастаться, укореняясь в его разуме все глубже с каждой новой главой.

Еще читая роман «Боевое зло», Го Нуань до глубины души сопереживал главному герою. Ему казалось: блесни в жизни несчастного сироты хотя бы крошечный, но постоянный лучик тепла, Лэй Лижэнь никогда не опустился бы на самое дно отчаяния и не превратился в чудовище, жаждущее испепелить мир.

Именно эта жалость когда-то побуждала его строчить бесконечные комментарии автору романа, почтенному Гэань Цзяну, в надежде повлиять на сюжет. Го Нуань отчаянно не хотел, чтобы его любимый персонаж кончил как безумный отшельник, погубивший все живое ради мести. Пусть бы лучше Лэй Лижэнь, подобно героям классического фэнтези, триумфально сокрушал врагов силой своего величия и купался в обожании бесчисленных красавиц!

Размышляя на досуге, Го Нуань пытался понять, чем же «Боевое зло» отличается от сотен других историй о злодеях. Он читал немало романов о темных практиках, где главные герои ради заветного могущества без колебаний переступали через горы трупов, не зная жалости и ни о чем не жалея. Их ледяное высокомерие и абсолютная глухота к чужой боли никогда не вызывали у Го Нуаня сочувствия.

С Лижэнем все было иначе. Его вынуждали становиться монстром. Окружающий мир, словно сговорившись, толкал его в бездну, и даже те редкие благородные люди, что встречались на его пути, оказывались бессильны вытащить его из капкана судьбы. Выходил чудовищный парадокс: вокруг кишели истинные подлецы, прикрывающиеся масками добродетели, в то время как единственный человек, втайне жаждавший света, прослыл в глазах толпы исчадием ада.

Пес сокрушенно замолчал. Межвидовой барьер преодолеть не удалось, и Го Нуаня захлестнула волна глухого разочарования. В прошлой жизни он был лишь сторонним наблюдателем, пассивным читателем по ту сторону экрана. А теперь, даже оказавшись внутри этой проклятой истории в шкуре бродячей дворняги, что он мог изменить?

Видя, как лохматый зверь уныло повесил голову, Лэй Лижэнь невольно усмехнулся. До чего же нелепо! Преданность и сострадание, о которых он так страстно мечтал все эти годы, он

получил не от людей, а от бродячего пса.

— Уходи, — тихо, но твердо произнес юноша. — Я лишился сил и больше не могу практиковать. Я не защищу тебя и даже прокормить не сумею.

Го Нуань даже не шелохнулся, лишь ниже опустил морду.

— Пошел прочь! — прикрикнул на него Лэй Лижэнь, и в его голосе зазвенели стальные нотки.
— Тебе что, пинка дать, чтобы дошло?

«Теплые чувства... Какая глупость. Я не создан для этого», — угрюмо подумал он. Ему не нужны были случайные привязанности, сулящие лишь новую боль. Влачить жалкое существование, терпя унижения и жалость — да разве это жизнь? Уж лучше сдохнуть прямо здесь.

Го Нуань упрямо остался сидеть на месте, хотя на душе у него скребли кошки. Обида жгучей волной захлестнула его. «Да пошел ты! — со злостью подумал бывший читатель. — Получай по заслугам, раз такой неблагодарный! Пускай тебя лупят все кому не лень! Я к нему со всей душой, а он лает хуже бешеного!»

Но Лэй Лижэнь отличался поразительным, почти патологическим упрямством, помноженным на уязвимое самолюбие. Он ненавидел собственное имя, зная, что давший его отец презирал его всем сердцем. Это имя казалось ему клеймом позора, предвестником беды. Пройдет много лет, прежде чем он заставит мир забыть имя «Лижэнь» — великий и грозный владыка будущего будет зваться для всех просто Лэй.

Сейчас он напоминал ядовитую змею, затаившуюся в траве. Гордость не позволяла ему проглотить ни единого оскорбления, но, лишенный возможности ответить ударом на удар, он кропотливо копил злость в глубинах разума, обещая себе со временем вернуть каждый долг сторицей.

Глухой удар прервал размышления пса — Лэй Лижэнь резко выбросил вперед едва начавшую слушаться ногу, угодив ему прямо в бок. От неожиданности и боли Го Нуань взвился на дыбы. Шерсть на загривке поднялась дыбом, он оскалил зубы и, приняв угрожающую стойку, яростно залаял на обидчика.

Последние иллюзии рухнули. Как он мог всерьез надеяться отогреть душу закоренелого безумца? Горбатого только могила исправит.

Юноша подобрался, словно готовый к прыжку хищник. Даже обессиленный и полуживой, он излучал такую зловещую ауру, что любой человек поостерегся бы подходить близко. Лэй Лижэнь буравил злым взглядом тяжело дышащего пса, пока его внимание не привлекла задняя лапа животного. Шкура там была разодрана до самого мяса, а в глубокую рваную рану набилась земля и сухая трава.

Вспомнив про принесенный мосол, Лэй Лижэнь без труда сопоставил факты. В городке было полно бедняков, которые в голодные дни не брезговали ничем. Бродячих псов ловили без жалости, и то, что лохматый воришка сумел уйти живым от разъяренных крестьян, было чистым везением.

«Глупая псина... Рядом со мной ты только сдохнешь. Я не смогу защитить тебя», — промелькнуло в голове юноши. Дикие пустоши Кладбища брошенных душ были куда безопаснее для зверя, чем мир людей. Здесь не было двуногих тварей, готовых пустить его на мясо.

Не прочитав во взоре Лэй Лижэня ничего, кроме ледяного отчуждения, Го Нуань окончательно сдался. Гордо развернувшись, он захромав прочь. Видеть этого упрямого дурака больше не хотелось. «Псих ненормальный, — бурчал он про себя. — Чтобы я еще раз к нему сунулся? Да никогда в жизни! Кто еще раз к нему подойдет, тот... а, ну да, я и так собака».

Обиженный пес брел наугад, пока не наткнулся на чистый горный ручей. Спустившись к воде, он принялся жадно лакать прохладную влагу. В зеркальной глади отразилась нелепая морда: всклокоченная, испачканная в саже и болотной жиже шерсть, грустные глаза.

Тяжела и неказиста жизнь простого попаданца в теле бродячей дворняги. Мало того что приходится выживать в жестоком мире боевых искусств, так еще и будущий главный злодей выставил тебя за порог.

<http://bllate.org/book/20621/2131064>